

Современная российская историография проблемы ядерного разоружения

© А.А. Манухин

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрено состояние современной отечественной историографии ядерного разоружения. Выделены три основных направления изучения зарождения и развития этого процесса, в зависимости от специфики научной подготовки исследователей, участия в консультировании правительственных органов. Отражены связь исторического изучения вопроса с другими общественными, техническими и военными науками, национальные особенности руководства процессом ядерного разоружения в СССР/России и США. Затронута проблема взаимосвязи разоружения с ядерным нераспространением и развитием обычных вооружений, представленная в литературе.

Ключевые слова: историография, ядерное разоружение, институциональный подход, ядерные державы, сокращение ядерных вооружений, режим нераспространения, противоракетная оборона.

Ядерное разоружение является одной из кардинальных проблем новейшего этапа мировой истории. Международные режимы поддержания безопасности, национальное финансирование научно-технических проектов находятся под влиянием фактора наличия ядерного оружия у одних государств и стремления к нему других. Изучение данной проблемы носит междисциплинарный характер, находясь на пересечении всеобщей и отечественной истории, политологии, теории международных отношений и мировой политики, технических и военных наук. Подходы к нему претерпевают закономерные изменения по мере эволюции самого процесса разоружения. Вместе с тем значительный интерес представляет выявление устойчивых направлений отечественной историографии этой проблемы, которые отчетливо видны на современном этапе (с начала 2000-х гг.).

В современной российской историографии проблемы ядерного разоружения правомерно выделить три основных направления. Первое из них можно охарактеризовать как историко-институциональное. Основные предметы исследования в нем — состояние национальных экономик, военные доктрины СССР/России и США, влиявшие на процессы разоружения с участием двух ведущих ядерных держав. Исследователи, работающие в русле этого направления, чаще прибегают к сравнительному анализу механизмов принятия решений по разоружению, уделяют большое внимание историческим традици-

ям внешней политики стран, идеологии, роли общественного мнения. В эту группу входят прежде всего историки и политологи-американисты.

Второе направление следует рассматривать как международно-институциональное. Исследователям этого направления, работающим в ведущих академических институтах по вопросам международных отношений безопасности, свойственно внимание к международно-правовым аспектам процесса ядерного разоружения, подчеркивание глобальности этого явления, невозможности сведения его лишь к отношениям России и США, необходимости придания ему многостороннего характера, заинтересованности всех стран в углублении процессов разоружения.

Третье направление уместно назвать военно-институциональным, поскольку приоритет в нем отдается военно-техническим, военно-стратегическим и тактическим вопросам. В значительной степени оно представлено действующими и бывшими военными, техническими экспертами, дипломатами (Академия военных наук, Академия генерального штаба ВС РФ, ДА МИД РФ). Они сосредоточиваются на вопросах безопасности России и эволюции угроз для нее со стороны США и НАТО.

Важным аспектом исследования первого направления является внимание к особенностям руководства процессом ограничения и сокращения вооружений в СССР и США. Если в СССР он находился под централизованным контролем ЦК, который начал сдавать свои позиции лишь в годы перестройки, то в США всегда наблюдалась интенсивная борьба между аппаратом президента и Пентагоном, в то время как государственный департамент часто вставал на сторону последнего. Так, в работе А.Г. Савельева подчеркивается, что происходило постепенное расширение количества ведомств, участвовавших в разработке проектов соглашения с США по ограничению стратегических наступательных вооружений. Если первоначально этим занимались лишь МО и МИД СССР, то к 1969 г. сложилась «Большая пятерка» представителей ЦК КПСС, МИД, МО, КГБ и ВПК [1, с. 21].

А.Г. Савельев подчеркивал, что советское руководство встало на путь разоружения из-за осознания экономических трудностей продолжения гонки вооружений с США [1, с. 9]. Р.Н. Афонин отмечал, что цели США были шире: предотвратить увеличение СССР своего парка тогдашних сверхмощных стратегических ракет класса СС-9, побудить европейских союзников создавать «европейские ядерные силы», способствовать углублению кризиса в советско-китайских отношениях, получить козырь для обвинения Москвы в агрессивном курсе в случае ее отказа [2, с. 57, 58].

Подготовка предложений на переговорах велась МИД и МО, которые передавали вопрос на рассмотрение специальной комиссии

Политбюро ЦК КПСС, откуда проект передавался на рассмотрение ЦК и КГБ, а они, в свою очередь, вносили в него дополнительные замечания. После трудных переговоров по ОСВ-1 (1969—1972) была осознана ошибочность пассивной роли исполнителей, отведенной ведущим ученым, и создана «Малая пятерка» с их участием, что позволило им оказывать влияние на Отдел оборонной промышленности ЦК КПСС [1, с. 36]. В то же время эффективность взаимодействия между членами «пятерок» зачастую зависела от позиции главы военного ведомства. Т.В. Каширина отмечала, что, если министры обороны Р.Я. Малиновский и Д.Ф. Устинов были сторонниками ядерного разоружения, то А.А. Гречко поначалу выступал резко против [3, с. 257, 258]. Впрочем, в случае с Устиновым это во многом объяснялось его стремлением подчинить ракетостроение как отрасль научно-технических проектов и их разработчиков в нем своему личному диктату [4, с. 8].

В качестве главного отличия в советском и американском подходах к процессам ядерного разоружения отечественные исследователи выделяют приверженность советских дипломатов и военных принципу «одинаковой безопасности» обеих сверхдержав, что подразумевало рациональное сохранение различий в приоритетах среди «ядерной триады», в то время как США выступали за «равенство» показателей. СССР следовало сохранять ставку на межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) шахтного базирования, что компенсировало отставание по баллистическим ракетам на подводных лодках (БРПЛ) и тяжелым бомбардировщикам (ТБ), оснащенным таким мощным оружием, как крылатые ракеты морского и воздушного базирования (КРМБ/КРВБ). Это также предусматривало соблюдение двустороннего советско-американского Договора по ПРО 1972 г. [3, с. 453].

Фактический отказ команды М.С. Горбачева от того, чтобы бороться за соблюдение режима «одинаковой безопасности», и переход на американские позиции «равенства» в вооружениях привел к тому, что Договор об уничтожении ракет средней и меньшей дальности (РСМД) 1987 г. и Договор СНВ-1 от 1991 г. серьезно ослабили наступательный потенциал советских/российских стратегических и тактических сил [3, с. 482—485]. В то же время существует и иная точка зрения: например, Р.Н. Афонин указывал, что заключение Договора по РСМД позволило перевести системы контроля над выполнением сокращений на новый уровень, введя инспекции комиссий на местах, а СНВ-1 создал прочные предпосылки для денуклеаризации Украины, Белоруссии и Казахстана [2, с. 71, 72, 74].

Несмотря на это, признается, что для СССР было сложно быстро реагировать на стремительно меняющуюся тактику американских администраций, каждая из которых вырабатывала свою политику в области ядерного разоружения с оглядкой на критику оппозиции в

конгрессе, «вьетнамский синдром» и позицию ВПК, представленного частными компаниями. Например, прагматический подход Р. Никсона и его помощника по национальной безопасности Г. Киссинджера был наилучшим с точки зрения Москвы, чего нельзя сказать об «идеалистических» элементах доктрины Дж. Картера и З. Бжезинского, а также Р. Рейгана, использовавших такие методы «шантажа» СССР, как борьба за права человека и провозглашение Стратегической оборонной инициативы (СОИ) соответственно. При этом администрация Картера, несмотря на свою «ультрадемократическую» риторику, осознавала необходимость достижения реального консенсуса с СССР по вопросам вооружений, а рейганизм, напротив, стремился к получению односторонних уступок, опирался на метод «выдавливания» советских интересов из Европы, хотя внешне поддерживал инициативы Кремля [3, с. 332, 487, 488]. С другой стороны, В.О. Рукавишников в своей работе продемонстрировал, что возможности Белого дома были ограничены. Важную роль играл социально-психологический фактор: так, несмотря на успешное создание образа СССР как «империи зла», администрации Рейгана было сложно проводить ревизию результатов советско-американской «разрядки», достигнутой при Никсоне, из-за движения в пользу замораживания ядерных арсеналов [5, с. 441–445].

Изучение периода после распада СССР, с которым связывается окончание «холодной войны», поставило перед отечественными исследователями новые вопросы. Главный из них, безусловно, состоял в том, чтобы оценить характер российско-американского «стратегического партнерства», которое ценой больших геополитических потерь формировалось в 1990-е гг. В связи с этим В.И. Батюк признавал, что тогда сложился более-менее эффективный диалог по большинству вопросов двусторонних отношений, в том числе по разоружению (программа Нанна-Лугара по финансированию утилизации ядерных арсеналов России), хотя это и не останавливало американское стремление к гегемонии [6, с. 104, 105].

Как указывала Т.А. Шаклеина, постепенно в среде американской политической элиты от обеих партий, но особенно отчетливо у республиканских неоконсерваторов, сложилось представление о слабости России, которая лишает ее права на то, чтобы США придерживались данных СССР обещаний [7, с. 213, 214]. С другой стороны, у подобных умонастроений могла быть обратная сторона, о чем писал известный американист А.И. Уткин: «... Чем слабее Россия — парадокс истории, — тем больше вероятность такого чудовищного поворота событий (нанесение ядерного удара по США — *А.М.*). Демократизация и обнищание, отступление и игнорирование переводят этот страшный поворот событий из категории практически невероятных в категорию ядерного Пирл-Харбора, уже реальный опыт» [8, с. 415, 416].

Возможно, в данном случае на суждениях автора сказалась дезориентация российского академического сообщества в начале XXI в. Немногие исследователи обращали внимание на стремление Москвы вывести процесс ядерного разоружения из тупика, первым шагом к чему стала ратификация Государственной думой Договора СНВ-2 в 2000 г. Заключение с администрацией Дж. Буша-младшего Договора о стратегических наступательных потенциалах в мае 2002 г. расценивалось как проигрыш в свете сразу же последовавшего выхода США из Договора по ПРО [8, с. 464]. По тем же позициям критикуется и последний Договор СНВ-3, заключенный Д.А. Медведевым и Б. Обамой в апреле 2010 г.

Авторы, представляющие второе направление, смотрят на проблему иначе. Признавая ослабление России по сравнению с такими потенциальными противниками, как США и НАТО, они принимают процесс разоружения как неизбежный, хотя и заключающий в себе немалые опасности. В результате того что «сдерживание становится все более многосторонним, оно делается все менее устойчивым, а опасность ядерной войны — более вероятной» [9, с. 26]. Отказ ядерных держав от участия в разоружении является нарушением статьи VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. Другое дело, что проходить оно должно при условии достижения консенсуса между «признанными» (участниками ДНЯО) и «непризнанными» (не подписавшими его) ядерными государствами, а не в порядке принуждения, вплоть до свержения «пороговых» режимов, как США поступили с Ираком в 2003 г. [10, с. 29].

В этой связи особенно важно понимание политическими и научными элитами тесной взаимозависимости разоружения и нераспространения. С точки зрения А.Г. Арбатова, серьезной ошибкой является убежденность многих военных экспертов и политиков разных стран в том, что разоружение ядерных держав станет стимулом для «абитуриентов» ядерного клуба и тем самым ослабит нынешних лидеров: «Переговоры по ядерному разоружению даже в ходе последовательных сокращений (с учетом количества и программ модернизации этих средств) не затронут минимально достаточный российский потенциал ядерного сдерживания на протяжении десятилетий» [11, с. 340].

Большое значение имеют гарантии, которые ведущие ядерные державы могут предоставить «непризнанным» членам клуба, оказывая помощь в разрешении региональных конфликтов. В качестве примера начатого, но незавершенного процесса исследователи указывают на Мадридский мирный процесс по урегулированию арабо-израильского конфликта (1991—1995) [12, с. 24, 25, 38, 41]. По мнению российских экспертов, важнейшей вехой стало совместное заявление участников ДНЯО в 1995 г. (в связи с бессрочным продлением договора) об отказе применять ядерное оружие друг против друга.

Между тем отмечалось, что в нем отсутствуют гарантии для союзников ядерных держав, а это, несомненно, стало большим упущением и ослабило шансы укрепить режим нераспространения. Совершенно деструктивную позицию по данному вопросу в начале третьего тысячелетия заняла республиканская партия США, абсолютное большинство которой считало гарантии против применения ядерного оружия «теоретическими измышлениями», что привело к неудаче нескольких Обзорных конференций по ДНЯО [11, с. 351–353]. Наконец, если СССР в 1982 г. в ходе переговоров с США дал обязательство не применять ядерное оружие первым (о чем заявили и заокеанские партнеры-оппоненты), то в 1993 г. Россия отказалась от этого. В начале 2000-х гг. в ядерные доктрины России и США были включены пункты о возможности нанесения удара первым, что значительно повысило роль ядерного оружия и снизило перспективы конструктивного процесса сокращения [10, с. 31].

«Вторые» ядерные державы (Великобритания и Франция) также не спешат подключаться к процессу разоружения, а, напротив, пришли к сотрудничеству в поддержании своего ядерного статуса [12, с. 49–52]. Еще сложнее ситуация с Китаем: между ним, с одной стороны, и Россией и США, с другой, существуют отношения асимметричного сдерживания. Взяв на вооружение старые советские призывы полностью отказаться от ядерного оружия и заявляя о неприменении его первым, он сохранил ракеты средней и меньшей дальности, а также методично строит сеть подземных хранилищ, очевидно, предназначенных для хранения резервных ядерных боезарядов, и уже может рассматриваться как «третья» ядерная держава [13, с. 14, 17, 18]. Итак, исследователи второго направления, признавая международные механизмы разоружения и нераспространения эффективными, тем не менее, приходят к выводу о неизбежной их зависимости от наличия или отсутствия доброй воли «великих держав».

Отдельной темой является изучение развития систем противоракетной обороны (ПРО). В данной точке пересекаются интересы исследователей первого и второго направлений. В частности, указывается, что в ходе переговоров по ядерным космическим вооружениям (ЯКВ) в 1985—1991 гг. СССР успешно справился со всеми попытками США провести ревизию Договора, фактически денонсировать его. Россия и США в течение 1990-х гг. вели переговоры о разграничении «стратегической» и «нестратегической» ПРО. Несмотря на заявления американской стороны о незыблемости Договора 1972 г., к концу своего срока администрация Клинтона выдвинула проект национальной противоракетной обороны (НПРО), тактической, однако все же выходящей за установленные рамки [3, с. 571–579]. Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г. открыл перспективу (теоретически) заключения Договора СНВ-3. Однако обозна-

ченный в нем лимит боезарядов (1700—2200) включал только «оперативно развернутые», что позволило американцам не сокращать пусковые установки на носителях. Россия же, в силу специфики своих вооружений, была вынуждена сокращать не только боезаряды, но и носители [2, с. 96, 97].

Последовавший за этим выход США из Договора по ПРО в июне 2002 г. сделал возможным постановку вопроса о безопасности для России участия в процессе ядерного разоружения. С 1996 по 2006 г. США и Россия провели пять компьютерных тренировок по ПРО на театре военных действий (ТВД), а в 2003—2008 гг. в формате Россия — США — НАТО прошли четыре реальные тренировки по отражению потенциальной ядерной атаки из внеевропейской зоны. Однако они носили скорее демонстративный, нежели реальный, характер, поскольку Центр обмена данными о ракетном нападении не действовал после атаки НАТО на Югославию в 1999 г. [14, с. 17, 19].

Сворачивание планов администрации Дж. Буша-младшего по строительству элементов НПРО в Европе и начало российско-американской «перезагрузки», по мнению исследователей второго направления, не было однозначным успехом. В то же время они не склонны драматизировать положение вещей, показывая, что американская ПРО еще весьма слаба и не будет в состоянии нейтрализовать сохраняющийся огромный потенциал российских стратегических ядерных сил (СЯС), который за 1990—2000-е гг. не был поколеблен. Как показал директор Института США и Канады С.М. Рогов, американские эксперты также низко оценивают возможности своей ПРО. Кроме того, рассматривая историю создания и перспективы развития ПРО, нужно учитывать фактор межпартийной борьбы, сыгравший значительную роль при выходе США из Договора [15, с. 4—7, 25].

В рамках третьего из указанных направлений исследований рассматриваются военно-технические и общие стратегические аспекты процесса ядерного разоружения, а также факторы, тормозящие его. В основном речь идет о ПРО. Генерал-полковник В.И. Есин, консультант командующего Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), опровергает мнение о том, что Россия уделяла мало внимания развитию систем отражения космических угроз, разрабатывавшихся в США и способных подорвать двусторонний процесс сокращения ядерных вооружений. Уже в 1967 г. появилась эффективная система «Истребитель спутников» (ИС-М), принятая на вооружение в 1978 г. [14, с. 41].

С.К. Ознобищев, В.Я. Потапов и В.В. Скоков продемонстрировали, что советская научно-техническая школа и военно-промышленный комплекс дали адекватный ответ на программу «звездных войн» Рейгана (СОИ). Он заключался в развитии аналитических ин-

формационных систем для определения необходимых изменений в оснащении и дислокации составляющих «стратегической триады». Непосредственной разработкой этих «асимметричных» методов отражения ядерного нападения занимались факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М.В. Ломоносова, МВТУ им. Н.Э. Баумана, МФТИ, МИФИ, Отдел военно-политических исследований Института США и Канады, Саровский ядерный центр [16, с. 13, 16, 17, 31, 34, 35]. Большую роль сыграли в этом выдающиеся советские ученые, академики Е.П. Велихов, Ю.Б. Харитон, М.И. Герасев, А.А. Коновалов, А.А. Васильев.

От усиления СЯС был совершен переход к «асимметричным» средствам борьбы. Бывший глава Совета безопасности РФ и руководитель Отдела военно-политических исследований Института США и Канады, выпускник МВТУ им. Н.Э. Баумана А.А. Кокошин указал, что в 1990-е г. была разработана концепция «неядерного» сдерживания (в составе высокоточных дальнобойных артиллерийских систем, электромагнитных бомб, многоцелевых ракет для подводных лодок) [17, с. 17–21].

На другом «фланге» данного направления находятся исследователи, трактующие тот же аспект в пессимистическом ключе. В качестве примера можно привести монографию А.П. Барышева, профессора Дипломатической академии, занимавшего важные дипломатические посты [18]. При всем качественном анализе состояния американских Вооруженных сил, справедливой озабоченности тем, что США развивают высокоточные вооружения в обычном оснащении, не подпадающие под ограничение согласно Договору СНВ-3, главные его выводы носят политический, а не научный характер.

Исходя из постепенного «перерождения» правящего режима нашей страны, начиная с хрущевской «оттепели», Барышев утверждает, что современная политика российских властей в области разоружения заключается в односторонних уступках США и НАТО, подчинении Вооруженных сил России интересам внутренней олигархии, капитулирующей перед Западом. «Исследователи-перевертыши», подобные А.Г. Арбатову и С.М. Рогову, обслуживают «ельцинско-путинско-медведевский режим», поступающий национальными интересами, «по-холопски гнувший спину» перед мировым империализмом [18, с. 6, 25–36, 146, 147].

Аналогична по духу коллективная монография военных экспертов под названием «Пределы сокращения». Авторы ее заявляют, в частности, что «порог ядерной стабильности имеет пределы понижения». Именно к этому и стремится «консорция агентов перемен», тщательно скрывая нависшую над страной угрозу не только от общественности, но и от власти. России необходима «полноценная оптимизированная ядерная деятельность, включая адекватную реакцию

на различного вида разоруженческие инициативы» [19, с. 13, 17]. Под этой обтекаемой фразой скрывается отрицание всего того, что было сделано СССР/Россией в области ядерного разоружения, начиная с конца 1960-х гг. Представляется, что с учетом противостояния «холодной войны» иначе быть не могло.

Подводя итог рассмотрению основных направлений современной российской историографии проблемы ядерного разоружения, можно сделать следующие выводы. Представители первого направления избирают в качестве предмета своего исследования причины ядерного разоружения в двустороннем контексте, часто оставляя за рамками ядерные интересы других стран. Точно также исследователи второго направления подчас переоценивают роль международных институтов. Наибольших результатов добиваются те авторы, которым удается совместить историзм, методы политологии, теории международных отношений.

Третье направление отличается повышенным вниманием к деталям военного строительства, что позволяет избежать чрезмерного «оптимизма» в отношении будущего процессов разоружения. Однако в среде данной группы исследователей наблюдается расхождение во взглядах: от признания важности разоружения до откровенно алармистских установок, суть которых заключается в признании порочности ядерного разоружения как капитулянтского курса, губительного для интересов нашей страны. Большой отпечаток на тон работ исследователей налагает тот факт, работают ли военные эксперты совместно с «международниками» в одних и тех же организациях. Таким образом, крайне актуальная проблема ядерного разоружения получает подробные, но не однозначные трактовки.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Савельев А.Г. *Механизм принятия решений по вопросам ограничения и сокращения вооружений в СССР*. Москва, МАКС-пресс, 2005.
- [2] Афонин Р.Н. *Российско-американские отношения в области сокращения и ограничения стратегических вооружений и стратегическая стабильность*. Дис. ... канд. Полит. наук. Москва, Дипломатическая академия МИД РФ, 2003.
- [3] Каширина Т.В. *Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969–2010 гг.* Дис. ... д-ра ист. наук. Москва, Московский государственный областной университет, 2012.
- [4] Щербакова О.М. История через личность: историческая биография деятеля военно-промышленного комплекса. *Гуманитарный вестник*, 2013, вып. 9. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/hidden/124.html>
- [5] Рукавишников В.О. *Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада*. Москва, Академический проект, 2005.

- [6] Батюк В.И. *Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны»*. Москва, Институт США и Канады РАН, 2008.
- [7] Шаклейна Т.А. *Россия и США в новом мировом порядке: дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991—2002 гг.)*. Москва, Институт США и Канады РАН, 2002.
- [8] Уткин А.И. *Единственная сверхдержава*. Москва, Алгоритм, 2003.
- [9] Арбатов А.Г., Дворкин В.З., ред. *Ядерное оружие после «холодной войны»*. Москва, Российская политическая энциклопедия, 2006.
- [10] Арбатов А.Г., Дворкин В.З., ред. *Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений*. Москва, Российская политическая энциклопедия, 2011.
- [11] Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К., ред. *Ядерное нераспространение в Ближневосточном контексте*. Москва, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2013.
- [12] Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К., ред. *Перспективы участия европейских ядерных держав в ограничении стратегических вооружений*. Москва, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2012.
- [13] Арбатов А.Г., Дворкин В.З. *Большой стратегический треугольник*. Москва, Пресс-клуб Сервис, 2013.
- [14] Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К., ред. *Неядерные факторы ядерного разоружения (противоракетная оборона, высокоточные обычные вооружения, космическое оружие)*. Москва, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2010.
- [15] *Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях*. Москва, Спецкнига, 2012.
- [16] Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В. *Как готовился «асимметричный ответ» на «стратегическую оборонную инициативу» Рейгана* Велихов, Кокошин и другие. Москва, URSS, 2008.
- [17] Кокошин А.А. *О системе неядерного (предъядерного) сдерживания в оборонной политике России*. Москва, Издательство МГУ, 2012.
- [18] Барышев А.П. *Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России)*. Москва, Объединенное гуманитарное издательство, 2011.
- [19] Аладьин В., Ковалев В., Малков С., Малинецкий Г. *Пределы сокращения*. Москва, Институт русской цивилизации, 2013.

Статья поступила в редакцию 09.06.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Манухин А.А. Современная российская историография проблемы ядерного разоружения. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 3.

URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/189.html>

Манухин Алексей Анатольевич — канд. ист. наук, доцент кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сфера научных интересов: новая и новейшая история стран Европы и Америки; новейшая история России; революции как исторический феномен; проблема отношений «великих держав» и развивающихся стран; США и Латинская Америка; отношения России и США в современную эпоху. e-mail: warcraftdouble@yandex.ru

Nuclear disarmament in contemporary Russian historiography

© A.A. Manukhin

Bauman Moscow State Technical University, Moscow 105005, Russia

The article deals with the issue of nuclear disarmament in contemporary Russian historiography. The author points out the three main branches of studying the genesis and development of the problem, which depend on the specific character of researchers' scientific background and the fact of being involved in consulting governmental bodies. A historical outlook is shown in relation to other social, technical and military sciences, as well as national features of managing the disarmament in the USSR/Russia and the United States. The article gives an insight into the correlation between disarmament, non-proliferation and development of conventional weapons, as these are presented in the literature.

Keywords: historiography, disarmament, nuclear powers, institutional approach, arms' reduction and limitation, regime of non-proliferation, anti-ballistic missile defense.

REFERENCES

- [1] Saveliev A.G. *Mechanism prinyatiya reshenij po voprosam ogranicheniya i sokratsheniya vooruzhenij v SSSR* [Decision making on arms limitation and reduction in the USSR]. Moscow, MAX-press Publ., 2005, 146 p.
- [2] Afonin R.N. *Rossiysko-amerikanskije otnosheniya v oblasti sokratsheniya i ogranicheniya strategicheskikh vooruzhenij i strategicheskaya stabilnost*. Diss. kand. polit. nauk [Russian-American relations in the reduction and limitation of strategic weapons and strategic stability. PhD diss.]. Moscow, Diplomaticheskaya academia Publ., MFA RF, 2003, 217 p.
- [3] Kashirina T.V. *Problema ogranicheniya i sokratsheniya strategicheskikh vooruzhenij v amerikano-sovetskih/rossijskih otnosheniyah v 1969—2010 godah*. Diss. dokt. ist. nauk. [The problem of the limitation and reduction of strategic weapons in the US-Soviet / Russian relations in 1969—2010. Doct. diss.] Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2012, 651 p.
- [4] Tsherbakova O.M. *Gumanitarnyi vestnik — J. "Humanities of BMSTU"*, 2013, vol. 9. Available at: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/hidden/124.html>
- [5] Rukavishnikov V.O. *Kholodnaya vojna, kholodniy mir. Obtshestvennoe mnenie v Soedinennih Shtatah i Evrope o SSSR/Rossiji, vneshnej politike i bezopasnosti Zapada* [Cold war, cold peace. Public opinion in the U.S. and Europe on the Soviet / Russian Foreign Policy and Security of the West]. Moscow, Aka-demicheskij proekt Publ., 2005, 864 p.
- [6] Batyuk V.I. *Trudnoe partnerstvo. Dvustoronnie rezhimi i instituti v rossijsko-amerikanskikh otnosheniyah posle okoncheniya kholodnoj vojni* [Difficult partnership. Bilateral regimes and institutions in Russian-American relations after the end of the "Cold War"]. Moscow, Institute of the USA and Canada RAS, 2008, 212 p.
- [7] Shakleina T.A. *Rossiya i Soedinennije Shtati v novom mirovom poryadke: diskussii v politico-akademicheskikh soobshchestvah Rossiji i Soedinennih Shtatov (1991—2002)* [Russia and the USA in the new world order: the debate in the political and academic communities of Russia and the United States (1991—2002)]. Moscow, Institute of the USA and Canada RAS, 2002, 445 p.

- [8] Utkin A.I. *Edinstvennaya sverkhderzhava* [The only superpower]. Moscow, Algoritm Publ., 2003, 517 p.
- [9] Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., eds. *Yadernoe oruzhie posle kholodnoj vojny* [Nuclear weapons after the “cold war”]. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2006, 557 p.
- [10] Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., eds. *Yadernaya perezagruzka: sokratshenie i neraspromostranenie vooruzhenij*. [Nuclear Reset: reduction and non-proliferation of weapons]. Moscow, Russian political encyclopedia, 2011, 511 p.
- [11] Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobitshev S.K., eds. *Yadernoe neraspromostranenie v Blizhnemvostochnom kontekste* [Nuclear nonproliferation in the Middle East context]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations RAS, 2013, 85 p.
- [12] Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobitshev S.K., eds. *Perspektivy uchastiya evropejskikh yadernih derzhav v ogranichenii strategicheskikh vooruzhenij* [Prospects of participation of European nuclear powers in the Strategic Arms Limitation]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations RAS, 2012, 107 p.
- [13] Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. *Bolshoj strategicheskij treugolnik* [Large strategic triangle]. Moscow, Press-club Service Publ., 2013, 55 p.
- [14] Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobitshev S.K., eds. *Neyadernie faktory yadernogo razoruzheniya (protivoraketnaya oborona, visokotochnie obichnie vooruzheniya, kosmicheskoe oruzhie)* [Non-nuclear factors of nuclear disarmament (antimissile defense, precision conventional weapons, space weapons)]. Moscow, Institute of World Economy and International Relations RAS, 2010, 71 p.
- [15] *Desyat let bez dogovora po PRO. Problema protivoraketnoj oboroni v rossijsko-amerikanskih otnosheniyah* [Ten years without the AMD Treaty. Antimissile defense problem in Russian-American relations]. Moscow, Spetskniga Publ., 2012, 78 p.
- [16] Oznobitshev S.K., Potapov V.J., Skokov V.V. *Kak gotovilsya “assimetrichnyi otvet” na “strategicheskuyu oboronnyuyu initsiativu” Rejgana Velikhov, Kokoshin i drugie* [How the “asymmetric response” to Reagan's “Strategic Defense Initiative” was being prepared by Velikhov, Kokoshin and others]. Moscow, URSS Publ., 2008, 53 p.
- [17] Kokoshin A.A. *O sisteme neyadernogo (predyadernogo) sderzhivaniya v oboronnoj politike Rossii* [On non-nuclear (prenuclear) containment in Russian Defense Policy]. Moscow, MSU Publ., 2012, 28 p.
- [18] Barishev A.P. *Sovremennaya strategiya Soedinennih Shtatov i NATO (v kontekste problem natsionalnoj bezopasnosti Rossii)* [The current strategy of the U.S. and NATO (in the context of national security issues of Russia)]. Moscow, United humanitarian Publ., 2011, 248 p.
- [19] Aladyin V., Kovalev B., Malkov S., Malinetskij G. *Predely sokrascheniya* [Reduction limits]. Moscow, Institute of Russian civilization Publ., 2013, 495 p.

Manukhin A.A., Ph.D., Assoc. Professor of the History Department, Faculty of Social Sciences and Humanities at Bauman Moscow State Technical University. Fields of studies: modern and contemporary history of Europe and America, Russian contemporary history, revolutions as a historical phenomenon, relations between the great powers and developing countries, United States — Latin American relations, contemporary United States — Russian relations. e-mail: warcraftdouble@yandex.ru